

87

Повести и рассказы. И. Н. Потапенко. В 12 томах. Ц. 1 р. за каждый том. (V и VI тт. в издании А. Ф. Маркса, остальные Ф. Павленкова). Т. I, изд. 2-ое. С.- Петербург. 1896. 315 стр.; т. II, изд. 2-ое. С.- Пб. 1895. 320 стр.; т. III, изд. 2-ое. С.- Пб. 1898. 347 стр.; т. IV, изд. 2-ое. С.- Пб. 1899. 335 стр.; т. V, изд. 2-ое. С.- Пб. 1901. 306 стр.; т. VI, изд. 2-ое. С.- Пб. 1901. 333 стр.; т. VII, С.- Пб. 1893. 324 стр.; т. VIII, С.- Пб. 1894. 343 стр.; т. IX, С.- Пб. 1896. 317 стр.; т. X, С.- Пб. 1896. 340 стр.; т. XI, С.- Пб. 1897. 329 стр.; т. XII, С.- Пб. 1899. 338 стр.¹

И. Н. Потапенко – очень плодовитый писатель: одних рассказов и повестей в лежащей передо мною серии накопилось на четыре тысячи страниц, а он писал еще и газетные статьи, и театральные пьесы, и большие романы. Такая плодовитость объясняется отчасти тем обстоятельством, что литература г. Потапенки пришлась и по вкусу, и по плечу среднему русскому читателю, и нет сомнения, что, если не в истории русской литературы, то в истории народного чтения, г. Потапенко оставит заметный след. Главными достоинствами его рассказов следует признать легкий и гладкий слог, умение заинтересовать читателя рассказом, местами живую наблюдательность и своеобразный юмор, и тот особый *писательский такт*, ту правильную оценку собственных творческих сил, которые удерживают нашего умного автора и от слишком широких обобщений, и от бесплодных попыток уловить минутные настроения, и, наконец, от притязаний на глубокий психологический анализ. Среди отрицательных сторон следует отметить местами недостаток художественного вкуса и чувства красоты, а, главное, слабость идеализма². У него есть произведения, в которых мораль имеет слишком откровенно-практический и, так сказать, грубо житейский характер. Вот, напр<имер>, рассказ «Подвальный этаж» (Т. XI, стр. 1 – 187), переполненный подробностями о технике гробового дела, от которых самого терпеливого читателя охватывает тоска. В рассказе повествуется о семье одного гробовщика, дочь которого очень скучает и томится в назначенном ей судьбою подвале и среди неприглядных принадлежностей отцовского ремесла; случайно она знакомится с какими-то актрисами, потом начинает потихоньку обучаться танцам и завершает свою карьеру тем, что поступает на содержание к богатому юноше, при чем, однако, как девица практическая, сразу же обеспечивает себе будущее. Кончается все к общему

благополучию, и отец, сначала метавший против безнравственной дочери грома и молнии, мало-помалу вполне примиряется с ее положением, особенно, когда она деньгами, и своими, и своего друга, помогает ему расширить свое предприятие по izdelию гробов, делая это, конечно, к обоюдной выгоде. Может быть, в жизни так и бывает, может быть, это даже типичный случай,— но, к сожалению, г. Потапенко, кажется, считает все это и в порядке вещей, и мы напрасно ищем в его строках, чтобы он воочью показал нам всю скудость морали, которой живут и благоденствуют его герои. Это дурная жизнь, но еще более дурная литература. Еще грустнее впечатление остается от повести «Здравые понятия» (I, 101 – 300). К тому же и в художественном отношении это вещь совсем слабая: люди в ней игрушечные, а сцепление событий наивно-театральное; недурны только второстепенные фигуры: напр<имер>, мрачный и непримиримый Ветвицкий, который не расстается с суковатой палкой и все обдумывает проект кухмистерской, которую он не иначе называет, как "аудиторией живого слова". Длинный рассказ (200 страниц) весь ведется от лица человека "здоровых понятий", и вследствие этого атмосфера его до последней степени удушлива. Вот вкратце содержание рассказа. Студент 25 лет между двумя экзаменами устраивает следующую комбинацию: свою невесту, здоровую, красивую и влюбленную в него девушку он пристраивает замуж за миллионера апоплектического сложения, выговорив предварительно, чтобы этот толстяк перевел три миллиона на имя своей будущей жены. Сам же студент, успевший тем временем сделаться кандидатом, покуда решается осчастливить браком чахоточную девицу; эта последняя, родив от великодушного героя слабенькую девочку, умирает приблизительно в один срок с апоплектическим миллионером, а вдовец и вдова с тремя миллионами благополучно соединяются узами брака, при чем для довершения их "здорового" счастья умирает и слабенькая девочка.

Никак нельзя определить при этом, в какой мере сам автор считает понятия своего героя здоровыми. Во всяком случае этот герой несколько им идеализирован; напр<имер>, когда апоплектический соперник присылает ему из свадебного путешествия чек на 50 тысяч, он отсылает эту бумажку своей бывшей невесте с письмом, не лишенным остроумия.

Эти два рассказа нагляднее и полнее всего показывают слабость идеализма в творчестве г-на Потапенки. Остановиться же на них несколько долее я счел необходимым ввиду того, что мой разбор должен выяснить степень пригодности сборника для ученических библиотек. Но справедливость требует сказать, что среди рассказов

И. Н. Потапенки есть немало, проникнутых теплым гуманным чувством. Их подсказала автору среда, которую он, кажется, особенно хорошо знает с детства: среда сельского духовенства на юге, бурса и семинария. В этих повестях г. Потапенко и тонкий наблюдатель, и добродушный юморист, и самая проза жизни местами согрета здесь лучами истинной поэзии. Лучше всего написан рассказ «Шестеро» (IV, 1 – 59): это история бедного сельского дьякона, у которого жена в злейшей чахотке и шестеро детей мал-мала меньше. Прижатый нуждою и бесконечными проволочками, он от умирающей жены едет умолять владыку, чтобы он дал ему скорее священнический сан: для него и для всей семьи это вопрос огромной важности; умри жена, и он навсегда останется диаконом. Добрый архиерей входит в его положение, и бедняга обновляет свою ризу на панихиде жены. Недурен также рассказ «На действительной службе», где выведен идеальный сельский священник (II, 1 – 169). «До и после» (VI, 1 – 208) – очень интересный и несомненно до мелочей правдивый очерк бурсы и семинарии в период новых веяний и реформы; в живых картинах проходит перед нами быт архиерейских певчих, деревенская побывка бурсаков, архиерейская ревизия. Г. Потапенко по свойству своей природы и таланта вовсе не обличитель: он добродушный рассказчик, спокойный летописец прошлого; если он редко прикрашивает грубые сцены, то зато он никогда их не подчеркивает; самые розги у него как-то менее оскорбительны для человеческого достоинства, чем у Помяловского³. Наш автор любит останавливаться на мирных картинах и светлых воспоминаниях: с любовью рисует бурсака, который отсыпается и отъедается в деревне, доброго и справедливого архиерея, детские проказы шустрых мальчуганов... Не лишен поэзии и небольшой рассказ «Речные люди» (IX, 1 – 70), где изображается дьякон, трогательно привязанный к своему захолустью. Отмечу еще рассказ «Остроумно»⁴, очень веселый и симпатичный: остроумие героя заключалось в том, что многосемейный дьякон, которому духовное начальство за неуместную веселость назначило прожить некоторое время в монастыре, привез к владыке на прокормление свою жену и семерых малышей.

Кроме быта духовного, г. Потапенко интересно рассказывает о быте мелких городских ремесленников, особенно евреев-портных, часовщиков, бриллиантчиков. Отмечу рассказ «Незаменимая утрата» (VI, 322 – 33). Менее удаются нашему автору крестьяне. Рассказ «Грех деда Мартына» грешит бесполезной жестокостью (V, 295 – 306), «Мужицкая канитель»⁵ просто скучна.

Едва ли для моей цели необходимо разбирать или пересказыва-

вать все рассказы Потапенки. Сказанного, я думаю, достаточно, чтобы видеть, что рецензент Ученого Комитета *не может признать все 12 томов сочинений г. Потапенки годными для ученических библиотек.*

При этом я позволю себе однако высказать желание, чтобы из его рассказов был сделан подбор вещей, подходящих для школьного возраста. В нашей небогатой литературе для чтения юношей избранные рассказы Потапенки, по-моему, были бы не лишними. Считаю пригодными для юношеского возраста лишь некоторые из рассказов И. Н. Потапенки, я бы полагал возможным допустить в ученические старшего возраста библиотеки: том *второй*, благодаря тому, что там есть прекрасный рассказ «На действительной службе» и недурной рассказ «Проклятая слава»⁶, где изображается печальная судьба маленького и талантливого ученика консерватории; том *четвертый*, благодаря рассказу «Шестеро»; том *шестой*, который почти сплошь представляет из себя рассказы, полезные для чтения юношам и живо написанные («До и после», «Остроумно», «Незаменимая утрата»); том *восьмой*, в котором помещен прекрасный, высоко нравственный рассказ «Исполнительный орган», а остальные рассказы *терпимы*⁷, и, наконец, *девятый*, где находится поэтический рассказ «Речные люди», а остальные, хотя и менее ценные в художественном отношении, тоже не представляют ничего неподходящего для ученической старшего возраста библиотеки⁸. Что касается остальных семи томов, то я, с своей стороны, в силу соображений, высказанных выше, не считаю возможным ходатайствовать о допущении их в ученические библиотеки, так как в рассказах, которые там помещены, не вижу свойств, делающих книгу *полезною* и допущением в гимназическую библиотеку как бы *рекомендуемую* вниманию педагогов и учеников.

¹ Автограф рецензии не разыскан. Печатается по тексту машинописной копии доклада, хранящейся в РГИА (Ф. 733. Оп. 195. № 458. Л. 456 – 458 об). Доклад был прочитан в заседании ООУК 18 марта 1902 г. (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 97. Л. 221 – 222).

Пик читательской популярности Потапенко (см. прим. 12 к тексту 59) приходился на 1880 – 1890-е гг. (см.: *Рейтблат* А. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МПИ, 1991. С. 74, 89, 195, 197, 198). Прославившийся более всего своей плодотворностью (например, в 1890 г. им одновременно в разных изданиях были опубликованы повести и рассказы «На действительной службе», «Здравые понятия», «Секретарь его превосходительства», «Проклятая слава»), сразу ставшей предметом пристального внимания разного рода фельетонистов, Потапенко получил в целом доброжелательную оценку своих произведений в

критике (ср. полемически заостренное суждение М. Протопопова: "За единственным исключением Скабичевского, ни один из наших современных критиков не дал о г. Потапенко критической статьи, <...> все наши критики, от г. Арсеньева до Говорухи-Отрока, без различия направлений и школ, писали подробно и обстоятельно, в хвалебном, иногда даже просто в рекламном тоне" (*Протопопов М. Бодрый талант: Повести и рассказы И. Н. Потапенка. Одиннадцать томов // Русская мысль. 1898. Сентябрь. Паг. 2. С. 177*)). В 1891 г. ему даже была присуждена за второй том «Повестей и рассказов» поощрительная Пушкинская премия ИАН по докладу Н. Н. Стрехова, кстати, вовсе не хвалебному (см.: Седьмое присуждение Пушкинских премий. СПб.: Тип. ИАН, 1891. С. 2, 64 – 67. (СОРЯС ИАН. Т. LIII. № 4)).

Публикуемая рецензия Анненского является первым по времени отзывом его о произведениях Потапенко. В ней можно обнаружить определенную переключку с наиболее объективными критическими работами о Потапенко 1890-х гг. – цитированной статьей Протопопова и публикацией А. М. Скабичевского «Не понимающий себя талант» (Северный вестник. 1891. № 1. Паг. 2. С. 1 – 18), особенно с первой из них. Впоследствии Анненскому еще дважды поручалось представить в УК доклады о двенадцатитомном издании «Сочинений» Потапенко (см. тексты 134 и 154).

² Идеализм – одно из центральных понятий эстетики Анненского, восходящее к античности и непосредственно связанное с платоновской эйдологией (ср.: "слово *идея* и производные его *идейный*, *идеал* и *идеалист* еще хранят след того представления, которое соединял с словом *идея* Платон" (цит. по Лекции. С. 19)) и учением Анаксагора о духе (см.: *Аниккин В.; Аниккин А. Е. Философия Анаксагора в "зеркале" творчества Иннокентия Анненского // История, филология и философия. Новосибирск, 1992. Вып. 1. С. 14 – 19*). Художественная категория "идея", связываемая Анненским в платоновским ключе с понятиями "первообраз", "идеал", пронизывает все его наследие, являясь важным критерием и в его литературно-критических работах (см., например, «Художественный идеализм Гоголя», «Искусство мысли: Достоевский в художественной идеологии»).

³ *Помяловский Николай Герасимович* (1835 – 1863) – писатель. Речь идет о его «Очерках бурсы» (1862 – 1863).

⁴ Т. VI. С. 185 – 208.

⁵ «Мужицкая канитель (Житейские наброски)» (Т. XII. С. 210 – 265).

⁶ «Проклятая слава (Из консерваторских воспоминаний)» (Т. II. С. 293 – 320).

⁷ В VIII т., отпечатанный в типографии и фототипии В. И. Штейна, вошли следующие произведения: «Исполнительный орган» (С. 1 – 56), «Земля» (С. 57 – 148), «Семейная история» (С. 149 – 275), «Амприр» (С. 277 – 301), «Третья» (С. 303 – 325), «Находка» (С. 327 – 343).

⁸ В IX т., отпечатанном в типографии А. Пороховщикова, помещены также повествования «Простая случайность» (С. 71 – 122), «Клавдия Михайловна» (С. 123 – 159), «Горячая статья» (С. 166 – 192), «Счастливый» (С. 193 – 271), «Развязанный узел» (С. 272 – 305), «Беглый» (С. 306 – 317).